

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО	5
2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ	7
2.1. Возникновение литературных языков	7
2.2. Языковые отношения при капитализме	13
2.3. Языковые проблемы в России	15
2.4. Заимствование как путь обогащения языка	17
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	25
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	28

ВВЕДЕНИЕ

Место языка среди явлений общественных. Общее у языка с другими общественными явлениями состоит в том, что язык – необходимое условие существования и развития человеческого общества и что, являясь элементом духовной культуры, язык, как и все другие общественные явления, немислим в отрыве от материальности.

Но функции языка и закономерности его функционирования и исторического развития в корне отличаются от других общественных явлений.

Ошибкой языковедов было отождествление языка и культуры. Это отождествление неправильно, так как культура – это идеология, а язык не относится к идеологии.

Отождествление языка с культурой влекло за собой целый ряд неверных выводов, так как данные предпосылки неверны, т. е. культура и язык не одно и то же. Культура в отличие от языка может быть и буржуазной и социалистической; язык, будучи средством общения, всегда общенароден, обслуживает и буржуазную и социалистическую культуру.

Каково же отношение между языком и культурой? Национальный язык есть форма национальной культуры. Он связан с культурой и немислим вне культуры, как и культура немислима без языка. Но язык не идеология, которая является основой культуры. Были попытки уподобить язык орудиям производства. Да, язык – орудие, но «орудие» в особом смысле. Язык – это идеологическое орудие. Если орудия производства обладают конструкцией и устройством, то язык обладает структурой и системной организацией.

Таким образом, язык нельзя причислить ни к базису, ни к надстройке, ни к орудиям производства; язык не тождествен культуре, и язык не может быть классовым. Тем не менее язык – это общественное явление, занимающее свое, особое место среди других общественных явлений и обладающее своими специфическими чертами.

Язык – достояние коллектива, он осуществляет общение членов коллектива между собой и позволяет сообщать и хранить нужную информацию о любых явлениях материальной и духовной жизни человека. И язык как коллективное достояние складывается и существует веками.

Мышление развивается и обновляется гораздо быстрее, чем язык, но без языка мышление – это только «вещь для себя», причем не выраженная языком мысль – это не та ясная, отчетливая мысль, которая помогает человеку постигать явления действительности, развивать и совершенствовать науку, это, скорее, некоторое предвидение, а не собственно видение, это не знание в точном смысле этого слова.

Человек всегда может использовать готовый материал языка (слова, предложения) как «формулы» или «матрицы» не только для известного, но и для нового.

Если мышление не может обойтись без языка, то и язык без мышления невозможен. Мы говорим и пишем думая и стараемся точнее и яснее изложить свои мысли в языке. Казалось бы, что в тех случаях, когда в речи слова не принадлежат говорящему, когда, например, декламатор читает чье-нибудь произведение или актер играет роль, то где же тут мышление? То же относится и к цитатам, употреблению пословиц и поговорок в обычной речи: они удобны, потому что удачны, лаконичны, но и выбор их, и вложенный в них смысл – след и следствие мысли говорящего. Обычная наша речь – это набор цитат из известного нам языка, словами и выражениями которого мы обычно пользуемся в нашей речи (не говоря уже о звуковой системе и грамматике, где «новое» никак нельзя изобрести).

Когда мы думаем и желаем передать кому-то то, что осознали, мы облакаем мысли в форму языка.

Таким образом, мысли и рождаются на базе языка и закрепляются в нем. Однако это вовсе не означает, что язык и мышление представляют тождество.

Законы мышления изучает логика. Логика различает понятия с их признаками, суждения с их членами и умозаключения с их формами. В языке существуют иные значимые единицы: морфемы, слова, предложения, что не совпадает с указанным логическим делением.

Многие грамматисты и логики XIX и XX вв. пытались установить параллелизм между понятиями и словами, между суждениями и предложениями. Однако нетрудно убедиться, что вовсе не все слова выражают понятия и не все предложения выражают суждения. Кроме того, члены суждения не совпадают с членами предложения.

Законы логики – законы общечеловеческие, так как мыслят люди все одинаково, но выражают эти мысли на разных языках по-разному. Национальные особенности языков никакого отношения к логическому содержанию высказывания не имеют.

Язык и мышление образуют единство, так как без мышления не может быть языка и мышление без языка невозможно. Язык и мышление возникли исторически одновременно в процессе трудового развития человека.

1. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Проблема «Язык и общество» сложна и многопланова. Для лингвистики наиболее значимыми являются: социальная природа человеческого языка; социальная обусловленность возникновения и развития языка; язык и формы исторической общности людей; социальная обусловленность формирования литературных языков и языковой нормы; неравномерность развития отдельных участков языка – в зависимости от потребностей общества; социальная обусловленность дифференциации языковой структуры; функциональные языковые стили и общество; возможности сознательного целенаправленного воздействия общества на язык; зависимость общества от языка; проблемы речевой культуры как проблемы социального применения языка; язык и научно-техническая революция.

По своей сущности язык социален. Его сущность в его назначении, в его роли, в тех потребностях, которые им обслуживаются и удовлетворяются. Уже в работах В. Гумбольдта и Гегеля высказывалась мысль об удовлетворении языком потребности человека в общении.

Функция общения для языка – главная господствующая подчиняющая или определяющая все остальные. Подчиняя себе все остальные, функция общения вместе с тем оказывается и их основной базой. Именно на базе функции общения существуют такие функции языка, как воздействие, сообщение, моделирование, даже формирование и выражение мыслей и других состояний сознания. «Даже» потому, что эта функция необходима для общения, без выражения мыслей – общение невозможно. Но и выражения мыслей не было бы, если бы не было потребности в общении, поддерживаемой и обновляемой совместной деятельностью людей. Образуют единство язык и сознание, образуют единство и функции общения, и формирования, и выражения сознания.

Возможно, наука никогда не сможет восстановить реальные облики предъязыков и первых собственно-языков человека. Но какими бы они ни были по своей структуре и набору элементов, они могли быть построены только из того материала, который был в распоряжении предков человека, т. е. из еще не обработанных звуков, уже начавших дифференциацию в зависимости от условий их применения.

Языки разных народов оказываются в неодинаковых условиях развития. Это неизбежно приводит к различиям в темпе развития и в зависящих от этих темпов результатах. Были языки народов, которые не могли развивать многие пласты и «поля» своего словарного состава – и из-за отсутствия письменности, и из-за невозможности свободно развивать науку и культуру, и из-за препятствий в создании своей экономики. В таком именно состоянии оказались в свое время многие так называемые малые народы России, в таком состоянии находились и многие народы Африки. В языках этих народов в сущности не

было своей научной терминологии, не было лексического и фразеологического слоя, отражающего развитие передовой индустрии, и т. д. Это ставило такие языки в неравное положение с развитыми языками стран Запада и Востока – такими, как английский, французский, немецкий, испанский, русский, японский.

Но обогащение словарного состава не может не затрагивать и такие стороны языка, как словообразование, синтаксис, лексическая семантика. Быстрый рост отдельных участков словарного состава ведет к активизации тех или иных моделей и типов словообразования, обогащает их новыми словарными единицами, укрепляет их положение в словообразовательной системе языка. Так, в истории русского языка обогащение терминологической лексики, в связи с развитием науки, техники, производства и управления, идущее уже в течение многих десятилетий XIX– XX вв., активизировало необходимые для такой лексики модели и способы словообразования, в частности те, которые создают имена отглагольные с суффиксами отвлеченности.

В языках, имеющих необходимые условия для своего развития, неодинаково интенсивно обогащаются и изменяются отдельные слои и пласты лексики и фразеологии. Причем те из них, которые активно обогащаются в одну эпоху, могут затормозить развитие в другую.

Напомним слова В. Гумбольдта: «... в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение. Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и усвоить мир предметов. Это положение ни в коем случае не выходит за пределы очевидной истины. Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы поэтому уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании...».

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

2.1. Возникновение литературных языков

Новый этап в развитии народов и языков связан с возникновением наций и национальных литературных языков. В советской науке принято считать, что нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей. Признаками устойчивости этой общности являются: единство территории, экономики и языка. На этой почве вырабатывается то, что называют «единством психического склада» или «национальным характером».

Нация как общественная и историческая категория возникает на определенном этапе развития человечества, а именно в эпоху поднимающегося капитализма. Нация не просто продолжение и расширение родовой и племенной общности, а явление качественно новое в истории человечества.

Хотя нации и подготовлены всем предшествующим развитием феодализма, особенно его последним периодом, когда еще резче обозначается различие города и деревни, происходит бурный рост ремесленного, торгового населения, когда передвижение населения нарушает территориально замкнутый характер феодальных государств, а главное, видоизменяются производственные отношения, и наряду с помещиками и крестьянами обозначаются новые классы общества – буржуазия и пролетариат, – все это закрепляется лишь при смене формации, с утверждением капитализма.

Если при феодализме главную роль играли поместья, замки и монастыри, то при капитализме на первый план выходят города со смешанным населением, объединяющим разные классы, расчлененные разными профессиями.

Если при феодализме экономическая жизнь тяготела к натуральному хозяйству, то при капитализме широко развивается торговля, не только внутренняя, но и внешняя, а с приобретением колоний и освоением международных сообщений – и мировая.

В историко-культурном плане переход от феодализма к капитализму связан с так называемой эпохой Возрождения и порожденным этой эпохой национальным развитием.

Применительно к языку эпоха Возрождения выдвинула три основные проблемы: 1) создание и развитие национальных языков, 2) изучение и освоение различных языков в международном масштабе, 3) пересмотр судьбы античного и средневекового лингвистического наследства.

Новая национальная культура, требующая единства и полного взаимопонимания всех членов нового общества, не может сохранить языковую практику средневековья с его двуязычием, раздробленными поместными диалектами и мертвым литературным языком. В противоположность языковой раздробленности феодального периода требуется единство языка всей нации, и этот общий язык не может быть мертвым, он должен быть способным к гибкому

и быстрому развитию.

У разных народов процесс складывания наций и национальных языков протекал в разные века, в разном темпе и с различными результатами.

Это зависело прежде всего от интенсивности роста и распада феодальных отношений в данной стране, от состава населения и его географического распространения; немалую роль играли при этом и условия сообщения: так, государства морские (Италия, Голландия, Испания, позднее Франция и Англия) раньше вступают на путь капиталистического и национального развития, но в дальнейшем, например, в Италии, этот процесс надолго задерживается, тогда как в Англии неуклонно развивается, вследствие чего Англия опережает Италию в развитии.

Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это – итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени.

Данте (1265–1321) написал книгу стихов «Новая жизнь» («Vita nuova»), посвященных Беатриче (в 1290 г.), на итальянском, а не на латинском языке и в дальнейшем (1307–1308) выступил в защиту употребления нового национального литературного языка в латинском трактате «О народном красноречии» («De vulgari eloquentia») и в итальянском «Пир» («Il convivio»), где он писал:

«Из тысячи знающих латынь один разумен; прочие пользуются своими знаниями, чтобы добиться денег и почестей», поэтому он пишет не по-латински, а по-итальянски, так как «это язык не избранных, а огромного большинства». По мнению Данте, народный язык благороднее латыни, так как это язык «природный», а латынь – язык «искусственный». «Божественная комедия» Данте, сонеты Петрарки и «Декамерон» Боккаччо были блестящим доказательством преимущества нового национального языка.

На народном языке были написаны отчеты о великих путешествиях Колумба, Веспуччи и других. Философ Джордано Бруно и ученый Галилей также перешли с латыни на национальный язык. Галилей оправдывал это так: «К чему нам вещи, написанные по-латыни, если обыкновенный человек с хорошим природным умом не может их читать».

Интересно отметить рассуждение Алессандро Читтолини в произведении под заглавием «В защиту народного языка» (1540), где говорится о том, что технические ремесленные термины нельзя выразить по-латыни, а этой терминологией «самый последний ремесленник и крестьянин располагает в гораздо больших размерах, чем весь латинский словарь».

Таким образом, борьба за народный язык была основана на демократизации культуры.

Итальянский литературный язык сложился на почве тосканских говоров в связи с преобладающими значениями тосканских городов и Флоренции на пути

капиталистического развития.

Пути складывания национальных литературных языков могли быть различными. Об этом писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»: «В любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».

Французский литературный язык может служить примером первого пути («из готового материала»). Скрещивание народной («вульгарной») латыни с разными кельтскими диалектами на территории Галлии происходило еще в донациональную эпоху, и эпоха Возрождения застаёт уже сложившиеся французские диалекты, «патуа», среди которых первенствующее значение благодаря историческому развитию Франции получает диалект Иль-де-Франса с центром в Париже.

В 1539 г. ординасом (приказом) Франциска I этот французский национальный язык вводится как единственный государственный язык, что было направлено, с одной стороны, против средневековой латыни, а с другой – против местных диалектов. Группа французских писателей, объединенная в «Плеяду», горячо пропагандирует новый литературный язык и намечает пути его обогащения и развития. Поэт Ронсар видел свою задачу в том, что он «создавал новые слова, возрождал старые»; он говорит: «Чем больше будет слов в нашем языке, тем он будет лучше»; обогащать язык можно и за счет заимствований из мертвых литературных языков и живых диалектов, воскрешать архаизмы, изобретать неологизмы. Практически все это показал Рабле в своем знаменитом произведении «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Главным теоретиком этого движения был Жоаким (Иоаким) Дю Белле (Joachim Du Bellay) (1524–1560), который в своем трактате «Защита и прославление французского языка» обобщил принципы языковой политики «Плеяды», а также по-новому оценил идущее от Данте разделение языков на «природные» и «искусственные». Для Дю Белле это не два исконных типа языков, а два этапа развития языков; при нормализации новых национальных языков следует предпочитать доводы, идущие от разума, а не от обычая, так как в языке важнее искусство, чем обычай.

В следующую эпоху развития французского литературного языка в связи с усилением абсолютизма при Людовике XIV господствуют уже другие тенденции.

Вожла (Vaugelas, 1585–1650), главный теоретик эпохи, ставит на первый план «добрый обычай» двора и высшего круга дворянства. Основной принцип языковой политики сводится к очищению и нормализации языка, к языковому пуризму, оберегаемому созданной в 1626 г. Французской академией, которая с

1694 г. периодически издавала нормативный «Словарь французского языка», отражавший господствующие вкусы эпохи.

Новый этап демократизации литературного французского языка связан уже с французской буржуазной революцией 1789 г.

Примером второго пути развития литературных языков («из скрещивания и смешения наций») может служить английский язык.

В истории английского языка различаются три периода: первый – от древнейших времен до XI в. – это период англосаксонских диалектов, когда англ, саксы и юты завоевали Британию, оттеснив туземное кельтское население (предков нынешних шотландцев, ирландцев и уэйлзцев) в горы и к морю и бриттов через море на полуостров Бретань. «Готический» период английской истории связан с англосаксонско-кельтскими войнами и борьбой с датчанами, которые покоряли англосаксов в IX– X вв. и частично слились с ними.

Поворотным пунктом было нашествие норманнов (офранцузившихся скандинавских викингов), которые разбили войска англосаксонского короля Гарольда в битве при Гастингсе (1066) и, покорив Англию, образовали феодальную верхушку, королевский двор и высшее духовенство. Победители говорили по-французски, а побежденные англосаксы (средние и мелкие феодалы и крестьянство) имели язык германской группы. Борьба этих двух языков завершилась победой исконного и общенародного англосаксонского языка, хотя словарный состав его сильно пополнился за счет французского языка, и французский язык как суперстрат довершил те процессы, которые намечались уже в эпоху воздействия датского суперстрата. Эта эпоха называется среднеанглийским периодом (XI–XV вв.).

Новоанглийский период начинается с конца XVI в. и связан с деятельностью Шекспира и писателей-«елизаветинцев». Этот период относится к развитию национального английского языка, так как средневековые процессы скрещивания уже завершились и национальный язык сложился (на базе лондонского диалекта).

Лексика английского национального литературного языка прозрачно отражает «двуединую» природу словарного состава этого языка: слова, обозначающие явления бытовые, земледельческие термины, сырье, – германского происхождения; слова же, обозначающие «надстроечные» явления – государственное правление, право, военное дело, искусство, – французского происхождения. Особенно ярко это проявляется в названии животных и кушаний из них.

Германские	Французские
<i>sheep</i> – «овца» (ср. немецкое <i>Schaf</i>)	<i>mutton</i> – «баранина» (ср. французское <i>mouton</i>);

ox – «бык» (ср. немецкое *Ochs*)

cow – «корова» (ср. немецкое *Kiili*) *beef*– «говядина» (ср. французское *boeuf*) и т. п.

В грамматике основа в английском языке также германская (сильные и слабые глаголы, именные слова, местоимения), но в среднеанглийском периоде спряжение сократилось, а склонение утратилось, и синтетический строй уступил аналитическому, как во французском языке.

В фонетике германская симметричная система гласных подверглась «большому передвижению» (*great vowel shift*) и стала асимметричной.

Примером третьего пути образования национального языка («благодаря концентрации диалектов») служит русский литературный язык, сложившийся в XVI–XVII вв. в связи с образованием Московского государства и получивший нормализацию в XVIII в. В основе его лежит московский говор, представляющий пример переходного говора, где на северную основу наложены черты южных говоров.

Так, лексика в русском литературном языке доказывает больше совпадений с северными диалектами, чем южными.

Северные диалекты	Южные диалекты	Литературный язык
<i>петух</i>	<i>кочет</i>	<i>петух</i>
<i>волк</i>	<i>бирюк</i>	<i>волк</i>
<i>рига</i>	<i>клуня</i>	<i>рига</i>
<i>изба</i>	<i>хата</i>	<i>изба</i>
<i>ухват</i>	<i>рогач</i>	<i>ухват</i> и т. п.

В грамматике, наоборот, в северных диалектах больше архаизмов (особые безличные обороты: *Гостей было уйдено*; именительный при инфинитиве переходного глагола: *Вода пить*), а также больше глагольных времен в связи с предикативным употреблением деепричастий: *Она ушодши. Она была ушодчи*; обычно совпадение творительного падежа множественного числа с дательным: *за грибам, с малым детям*, чего нет ни в южных говорах, ни в литературном языке. Но и с южными говорами у литературного русского языка есть много расхождений: во многих южновеликорусских говорах утрачен средний род (*масло мой, новая кино*), формы родительного и дательного падежей слов женского рода совпали в дательном (*к куме и у куме*) и др., чего нет в литературном языке. В спряжении глаголов флексии 3-го лица в литературном языке совпадают с северными говорами (*т* твердое: *пьёт, пьют*, а не *пьётъ, пьютъ*).

В фонетике согласные литературного языка соответствуют северным говорам (в том числе и *г* взрывное), гласные же в связи с «аканьем» ближе к вокализму южных говоров (в северных говорах «оканье»), однако «аканье» а литературном языке иное, чем в южных говорах, – умеренное (слово *город* в северных говорах звучит [горот], в южных [уорат], а в литературном [горэт]);

кроме того, для южных говоров типично «яканье», чего нет в русском литературном языке; например, слово *весна* произносится в южных говорах либо [в'асна], либо [в'исна], в северных – либо [в'осна], либо [в'эсна], а в литературном – [в'и'сна]; по судьбе бывшей в древнерусском языке особой гласной фонемы [Ъ] литературный язык совпадает с южными говорами.

Однако в составе русского литературного языка, кроме московского говора, имеются и иные очень важные элементы. Это прежде всего старославянский язык, который был впитан и усвоен русским литературным языком, благодаря чему получилось очень много слов-дублетов: свое и старославянское; эти пары могут различаться по вещественному значению или же представлять только стилистические различия, например:

Русское	Старославянское	В чем различие
<i>норов</i> (бытовое)	<i>нрав</i> (отвлеченное)	в вещественном значении
<i>волочить</i> »	<i>влачить</i> »	то же
<i>передок</i> »	<i>предок</i> »	» »
<i>невежа</i> »	<i>невежда</i> »	» »
<i>нёбо</i> »	<i>небо</i> »	» »
<i>житьё, бытьё»</i>	<i>житие, бытие»</i>	» »
<i>голова</i> »	<i>глава</i> »	» »
		В одних случаях в вещественном значении (<i>голова сахару – глава книги</i>), в других – только стилистическое (<i>вымыл голову, но посыпал пеплом я главу</i>).
<i>оде́жа</i> (просторечие)	<i>одежда</i> (литературное)	только стилистическое
<i>здоров</i> (литературное)	<i>здрав</i> (высокий стиль)	то же

Старославянские причастия на *-щий* (*горящий*) вытеснили русские причастия на *-чий* (*горячий*), причем эти последние перешли в прилагательные.

Третьим элементом русского литературного языка являются иноязычные слова, обороты и морфемы. Благодаря своему географическому положению и исторической судьбе русские могли использовать как языки Запада, так и

Востока.

Совершенно ясно, что состав любого литературного языка сложнее и многообразнее, чем состав диалектов.

Специфическую сложность вносит в его состав использование элементов средневекового литературного языка; это не отразилось в западнославянских языках, где литературный старославянский язык был вытеснен в средние века латынью; это также мало отразилось, например, на языках болгарском и сербском благодаря исконной близости южнославянских и старославянского (по происхождению южнославянского) языка, но сыграло решающую роль в отношении стилистического богатства русского языка, где старославянское – такое похожее, но иное – хорошо ассимилировалось народной основой русского языка; иное дело судьба латыни в западноевропейских языках; элементов ее много в немецком, но они не ассимилированы, а выглядят варваризмами, так как латинский язык очень далек от немецкого; более ассимилирована латынь в английском благодаря французскому посредничеству; французский литературный язык мог усваивать латынь дважды: путем естественного перерождения на-роднолатинских слов во французском и путем позднейшего литературного заимствования из классической латыни, поэтому получались часто дублеты типа: *avoie* – «преданный» и *avocat* – «адвокат» (из того же латинского первоисточника *advocatus* – «юрист» от глагола *advoco* – «приглашаю»).

Так по-своему каждый литературный язык решал судьбу античного и средневекового наследства.

2.2. Языковые отношения при капитализме

Развитие капиталистических отношений, усиление роли городов и других культурных центров и вовлечение в общегосударственную жизнь окраин содействуют распространению литературного языка и оттеснению диалектов; литературный язык распространяется по трактам и водным путям сообщения через чиновников, через школы, больницу, театр, газеты и книги и, наконец, через радио.

При капитализме различие между литературным языком и диалектами делается все более и более значительным. У городских низов и разных деклассированных групп населения создаются особые групповые «социальные диалекты», не связанные с какой-нибудь географической территорией, но связанные с различными профессиями и бытом социальных прослоек, – это «арго» или «жаргоны» (арго бродячих торговцев, странствующих актеров, нищих, воровской жаргон и т. п.).

Элементы арго легко воспринимаются литературным языком, усваиваясь в виде особой идиоматики.

Внутригосударственные вопросы языка осложняются еще более в тех странах, где имеются национальные меньшинства, и в тех многонациональных государствах, где объединяется целый ряд наций.

В многонациональных государствах господствующая нация навязывает язык национальным меньшинствам через печать, школу и административные мероприятия, ограничивая сферу употребления других национальных языков лишь бытовым общением. Это явление называется великодержавным шовинизмом (например, господство немецкого языка, бывшее в «лоскутной» по национальному составу Австро-Венгрии; туркизация балканских народов; принудительная русификация малых народностей в царской России и т. п.). Национально-освободительные движения в эпоху капитализма всегда связаны с восстановлением прав и полномочий национальных языков восставших народностей (борьба за национальные языки против гегемонии немецкого языка в Италии, Чехии, Словении в XIX в.).

В колониях, как правило, колонизаторы вводили свой язык в качестве государственного, сводя туземные языки к разговорной речи (английский язык в Южной Африке, в Индии, не говоря уже о Канаде, Австралии, Новой Зеландии; французский язык в Западной и Северо-Западной Африке и Индокитае и т. п.).

Однако зачастую языковые отношения между колонизаторами и туземцами складываются иначе, что вызывается практическими потребностями общения.

Уже первые великие путешествия XV–XVI вв. познакомили европейцев со множеством новых народов и языков Азии, Африки, Америки и Австралии. Эти языки стали предметом изучения и собирания в словари (таковы знаменитые «каталоги языков» XVIII в.).

Для более продуктивной эксплуатации колоний и колониального населения надо было объясняться с туземцами, влиять на них через миссионеров и комиссионеров.

Поэтому наряду с изучением экзотических языков и составлением для них грамматик требуется найти какой-то общий для европейцев и туземцев язык.

Иногда таким языком служит наиболее развитой местный язык, особенно если к нему приспособлена какая-нибудь письменность. Таков, например, язык хауса в Экваториальной Африке или таким когда-то был кумыкский в Дагестане.

Иногда это бывает смесь туземной и европейской лексики, как «пти-нэгр» (*petit negre*) во французских колониях в Африке или же «ломаный английский» (*broken English*) в Сьерра-Леоне (Гвинейский залив в Африке). В тихоокеанских портовых жаргонах – «бич-ла-мар» (*beach-la-mar*) в Полинезии и «пиджин-инглиш» (*pidgin English*) в китайских портах. В «пиджин-инглиш» в основе английская лексика, но искаженная (например, *pidgin* – «дело» из *business*, *nusi-papa* – «письмо», «книга» из *news-paper*); значения также могут меняться: *mary*

– «вообще женщина» (в английском – собственное имя «Мери»), *pigeon* – «вообще птица» (в английском «голубь»), – и китайская грамматика.

К такому же типу «международных языков» принадлежит и «сабир», употребляющийся в средиземноморских портах, – это смесь французского, испанского, итальянского, греческого и арабского.

Однако в более высоких сферах международного общения такого типа смешанная речь не применяется.

В международной дипломатии в разные эпохи употребляются разные языки – в средневековую эпоху: в Европе – латинский, в странах Востока – по преимуществу арабский; в новой истории большую роль сыграл французский язык. В последнее время этот вопрос уже не решается однозначно, так как официально в ООН приняты пять языков: русский, английский, французский, испанский и китайский.

Предпочтение тех или иных языков в этих случаях связано с тем престижем языка, который возникает не по его лингвистическим качествам, а по его историко-культурной судьбе.

Жаргоны бывают и у определенных групп населения, как, например, существовал жаргон гвардейских офицеров царской армии и России, на жаргоне изъяснялись «петиметры» и «щеголихи» XVIII в.. Эта смесь «французского с нижегородским», как иронически выражался А. С. Грибоедов, представлена в сюсюкающей речи представителя старого дворянства XIX в. С. Т. Верховенского в «Бесах» Достоевского.

Следует различать салонные жаргоны социальной верхушки, которые возникают из ложной моды как стилистический нарост на нормальном языке; практической ценности в них нет; особенно опасно их проникновение в литературу (Игорь Северянин и т. п.), и «практические жаргоны», исходящие из профессиональной речи и преследующие цели языкового обособления данной группы и «тайноречия» для осуществления своего ремесла и засекречивания сведений о нем. В таких жаргонах (жаргон воров, нищих, торговцев-разносчиков и т. п.) может быть искусственно придуманная смесь элементов разных языков, например цыганские числительные и тюркские обозначения профессионально важных вещей и т. п. Конечно, и у этих жаргонов нет своей особой грамматики и своего основного словарного фонда. Такие жаргоны паразитируют на материале разных языков, но их практическая устремленность не подлежит сомнению.

Наконец, международные жаргоны вызваны еще более реальными потребностями общения разноязычных людей в пограничных областях или в местах скопления разнорационального населения, например в морских портах. Здесь, как мы видели, чаще всего взаимодействуют элементы каких-либо двух языков (французский и негрские, английский и китайский, русский и норвежский и т. п.), хотя бывает и более сложная смесь («сабир»).

2.3. Языковые проблемы в России

После победы Октябрьской революции 1917 г. и образования СССР (1922) среди внутривосточных задач одно из важных мест заняли задачи национально-языкового строительства.

Национальный вопрос был очень важной проблемой в первом социалистическом государстве, так как СССР был страной многонациональной, включающей и развитые нации с древней культурой (Армения, Грузия), и молодые нации (Казахстан, Киргизия, Таджикистан), и народности, не переросшие в нации (народы Севера, Дальнего Востока и Дагестана), особое положение занимала Прибалтика, нации которой прошли этап буржуазного развития.

Различия территориальных и природных условий Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Сибири и разная историческая судьба населения этих территорий представляли большие трудности для выработки единого плана развития культуры этих наций и народностей.

Обоснование избранного правительством курса опиралось на высказывания В. И. Ленина по национальному вопросу, который писал:

«Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами – а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе – единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий..., а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частности*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям».

Так как язык является важнейшим признаком нации, то, естественно, национальная политика в первую очередь касается языков и их развития. Развитие же языка связано с установлением литературного языка, что прежде всего связано с созданием письменности. За время существования СССР около 60 языков получили письменность, а тем самым возможность обучения в школе на родном языке.

На пути установления и нормирования языков народов СССР встречалось много трудностей, из которых главная – это выбор того диалекта, на базе которого должен быть закреплён литературный язык. Встречаются такие случаи, когда два диалекта, сильно разошедшиеся, обладают равными правами и тогда возникают два параллельных литературных языка (например, эрзя-мордовский и мокша-мордовский). Существенным затруднением является чересполосица населения, когда немногочисленная по числу говорящих народность разбросана по большой территории вперемежку с населением других национальностей (например, ханты в Западной Сибири или эвенкийцы в

Восточной). Благоприятные условия для стабилизации литературного языка представляет наличие какой-нибудь письменности в прошлом, хотя бы и не носившей общенародного характера (например, арабской письменности у татар, узбеков, таджиков).

Важную роль для народов бывшего СССР играл русский язык – язык международного общения наций и народностей.

Русский язык остается главным источником обогащения лексики большинства национальных языков, особенно в области политической, научной и технической терминологии.

Вместе с тем в языковой политике центральных партийно-государственных органов, начиная с 30-х гг., все более крепнет тенденция к русификации всего геополитического пространства СССР – в полном соответствии с усилением его экономической централизации. В свете этой тенденции положительные сдвиги в деле распространения письменности приобретали негативный оттенок ввиду почти насильственного введения алфавита на русской основе; русскому языку повсеместно отдавалось явное предпочтение.

Ориентация внутренней политики на формирование этнически обезличенного, мнимо единого «советского народа» имела два важных последствия для языковой жизни страны.

Во-первых, такая политика ускорила процесс деградации языков многих малых народов (так называемых «миноритарных языков»). Этот процесс носит глобальный характер и имеет объективные причины, среди которых далеко не последнее место принадлежит языковой политике государства. В социолингвистике существует понятие «больные языки» – это языки, теряющие свою значимость в качестве средства общения. Сохраняясь лишь у старших представителей данного народа, они постепенно переходят в категорию исчезающих языков. Количество говорящих на таких языках исчисляется сотнями, а то и десятками человек, а, например, на керекском языке (Чукотский автономный округ) в 1991 г. говорили только три человека.

Во-вторых, централизаторская политика породила всё более крепнувшее культурно-национальное противостояние республик и центра, и в годы перестройки это вылилось в массовый и стремительный процесс пересмотра Конституций союзных республик в части, касающейся государственного языка. Начавшись в 1988 г. в Литовской ССР, этот процесс в течение 1989 и первой половины 1990 гг. охватил весь СССР, а после его распада началась новая волна уточнения Конституций уже национальных субъектов Российской Федерации путем внесения статьи о государственных языках, каковыми признавались национальные языки наряду с русским. К концу 1995 г. во всех национальных республиках в составе РФ закон о языках либо принят, либо представлен на обсуждение.

Языковая реформа, идущая в РФ, не заканчивается с принятием законов о

языках. Необходимо предусмотреть весь комплекс мер по культурно-языковому строительству и обеспечить сохранение тех народов и языков, которые еще можно сохранить. А одной из первоочередных задач российских лингвистов становится фиксация исчезающих языков для потомков в виде словарей, текстов, грамматических очерков, магнитофонных записей живой речи и фольклора, ибо каждый даже самый малый язык – это неповторимый феномен многонациональной культуры России.

2.4. Заимствование как путь обогащения словарного состава языка

Общей основой для всех процессов заимствования является взаимодействие между культурами, экономические, политические, культурные и бытовые контакты между народами, говорящими на разных языках. Контакты эти могут носить массовый и длительный характер в условиях совместной жизни на смежных и даже на одной и той же территории либо могут осуществляться лишь через определенные слои общества и даже через отдельных лиц. Они могут носить характер взаимовлияния или одностороннего влияния; иметь мирный характер или выступать в виде противоборства и даже военных столкновений. Существенно, что ни одна культура не развивалась в изоляции, что любая национальная культура есть плод как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов.

Говоря о заимствованиях, различают «материальное заимствование» и «калькирование». При материальном заимствовании (заимствовании в собственном смысле) перенимается не только значение (либо одно из значений) иноязычной лексической единицы (или морфемы), но и с той или иной степенью приближения – ее материальный экспонент. Так, слово *спорт* представляет собой в русском языке материальное заимствование из английского: русское слово воспроизводит не только значение английского *sport*, но также его написание и (конечно, лишь приблизительно) звучание. В отличие от этого при калькировании перенимается лишь значение иноязычной единицы и ее структура (принцип ее организации), но не ее материальный экспонент: происходит как бы копирование иноязычной единицы с помощью своего, незаимствованного материала. Так, русск. *небоскре́б* – словообразовательная калька, воспроизводящая значение и структуру англ. *sky-scraper* (ср. *sky* 'небо', *scrape* 'скрести, скоблить' и *-er* – суффикс действующего лица или «действующего предмета»). В словенском языке глагол *brati* наряду с общеславянским значением 'брать, собирать плоды' имеет еще значение 'читать'. Это второе значение – семантическая калька под влиянием нем. *lesen*, которое (как и лат. *lego*) совмещает значения 'собирать' и 'читать'.

Иногда одна часть слова заимствуется материально, а другая калькируется. Пример такой полукальки–слово *телевидение*, в котором первая часть – интернациональная, по происхождению греческая, а вторая – русский

перевод латинского слова *visio* 'видение' (и 'видение') или его отражений в современных языках (ср. с тем же значением и укр. *телебачення*, где второй компонент от *бачити* 'видеть').

Среди материальных заимствований нужно различать устные, происходящие «на слух», часто без учета письменного образа слова в языке-источнике, и заимствования из письменных текстов или, во всяком случае, с учетом письменного облика слова. Устные заимствования особенно характерны для более старых исторических эпох – до широкого распространения письма. Более поздние заимствования обычно бывают связаны с более «квалифицированным» освоением чужезычной культуры, идущим через книгу, газету, через сознательное изучение соответствующего языка. Примером устного заимствования может служить болг. *пароход* /paraħ'ot/ 'пароход', пришедшее из русского языка еще в XIX в. В этом слове русская соединительная гласная передана соответственно ее живому звучанию, тогда как в других подобных словах, заимствованных болгарским языком в наши дни (*трудоден*, *самокритика* и др.), в согласии с русской орфографией пишется о, которое по-болгарски и читается как /o/.

Заимствование может быть прямым или опосредованным (второй, третьей и т. д. степени), т. е. заимствованием заимствованного слова. Так, в русском языке есть прямые заимствования из немецкого, например *эрзац* 'суррогат, заменитель (обычно плохой)' (нем. *Ersatz* с тем же значением), *рейхстаг*, *бундестаг* и т. д., а есть заимствования через посредство польского языка, например *бляха* (ср. польск. *blacha* с тем же значением и нем. *Blech* 'жесть'), *крахмал* (ср. польск. *krochmal* и нем. *Kraftmehl* с тем же значением), *рынок* (ср. польск. *rynek* 'площадь, рынок' и нем. *Ring* 'кольцо, круг'). В языки народов Балканского полуострова за время турецкого ига вошло много «турцизмов», но значительная часть этих слов в самом турецком языке – заимствования из арабского или персидского. Есть заимствованные слова с очень долгой и сложной историей, так называемые «странствующие слова», например *лак*: к нам оно пришло из немецкого или голландского, в эти языки – из итальянского, итальянцы же заимствовали его скорее всего у арабов, к которым оно попало через Иран из Индии (ср. в пали, литературном языке индийского средневековья, *lakha* 'лак из красной краски и какой-то смолы'). История такого «странствующего слова» воспроизводит историю соответствующей реалии.

Заимствование есть активный процесс: заимствующий язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе переделывает и включает его в сеть своих внутренних системных отношений.

Ярче всего активность заимствующего языка выступает в процессах калькирования. Но и при материальном заимствовании она проявляется вполне отчетливо.

Во-первых, все фонемы в составе экспонента чужого слова заменяются своими фонемами, наиболее близкими по слуховому впечатлению;

соответственно закономерностям заимствующего языка изменяются слоговая структура, тип и место ударения и т. д. Ср. русское слово *совет* и заимствованные из русского фр. *soviet* /sovjiet/, англ. *soviet* /s'ouviət/ или /s'aviet/, нем. *Sowjet* /zio:vjet/ или /zavj'et/: несвойственное французскому и другим языкам русское палатализованное /v/ всюду заменено сочетанием /vj/ или /vi/; поскольку при заимствовании учитывалось написание русского слова, гласный первого слога везде передан буквой о, которая читается по правилам соответствующих языков либо как открытый, либо как закрытый гласный, либо как дифтонг; начальный согласный в немецком произносится как звонкий в соответствии с правилами чтения буквы s. Подобная субституция (подстановка) фонем происходит, разумеется, и при заимствовании на слух (только в этом случае не примешивается влияние письменного облика слова). Так, в русск. *флигель*, заимствованном из немецкого (нем. *Flugel* 'крыло'), вместо немецкого /y:/ имеем /i/, вместо /l/ и /g/ соответственно *IV l* и /g'/. Изменение слоговой структуры при заимствовании ярко, обнаруживается, например, в японской форме нашего слова *комсомол*: по-японски оно звучит как /komusotomou/ с превращением всех слогов в открытые путем добавления /и/ (а также с заменой /l/ на /г/, поскольку японский язык не знает звука /l/).

Во-вторых, заимствуемое слово включается в морфологическую систему заимствующего языка, получая соответствующие грамматические категории. Так, *система*, *панорама* в русском языке женского рода, как это нам представляется естественным для существительных (не обозначающих лиц), оканчивающихся на *-а*, хотя в греческом их прототипы среднего рода; при этом *-а* превратилось в окончание им. п. ед. ч. и заменяется в других формах другими русскими окончаниями, тогда как в греческом оно принадлежало основе (неусеченная основа *systemat-* видна в косвенных падежах, ср. также *систематический*). В иных случаях, напротив, окончание чужого слова воспринимается при заимствовании как часть основы. Так, русск. *рельс*, *кекс* заимствованы из английского (англ. *rail* 'рельс', *cake* 'пирожное, торт' и т. д.), причем заимствованы были формы множественного числа, осмысленные как формы единственного; поэтому английский аффикс множественного числа вошел в состав основы русского слова. То же наблюдаем в слове *бутсы* (из англ. *boot* 'ботинок'), но здесь заимствованное слово было сразу оформлено как множественное число, а формы единственного числа (*бутса* и т. д.) были образованы от множественного. Если заимствуемое существительное оканчивается нетипичным для русского языка образом, оно попадает в разряд неизменяемых по падежам и числам, но синтаксически получает все полагающиеся существительному формы (что проявляется в согласовании: *маршрутное такси, интересного интервью, белому какаду*) и тот или иной грамматический род (чаще всего средний). Заимствованные прилагательные, независимо от того, как они оформлены в языке-источнике, получают в русском языке один из суффиксов прилагательного, обычно *-н-*, и полагающиеся

окончания; глаголы тоже получают все глагольные категории вплоть до специфически славянской категории вида (правда, иногда возникает «двувидовость», т. е. омонимия форм совершенного и несовершенного вида, разграничиваемая контекстом, например, у глаголов *линчевать*, *стартовать*, у многих глаголов на *-ировать*). Естественно, при заимствовании происходит и утрата (вернее, невосприятие) грамматических категорий, чуждых заимствующему языку.

В-третьих, заимствуемое слово включается в систему семантических связей и противопоставлений, наличных в заимствующем языке, входит в то или иное семантическое поле или, в случае многозначности, в несколько полей. Обычно при этом происходит сужение объема значения (ср. англ. *dog* 'собака' и заимствованное русск. *дог* 'короткошерстная крупная собака с тупой мордой и сильными челюстями') или сокращение полисемии: многозначное слово чаще всего заимствуется в одном из своих значений [ср. фр. *depot* 1) 'вклад, взнос', 2) 'подача, предъявление', 3) 'отдача на хранение', 4) 'вещь, отданная на хранение', 5) 'хранилище, склад, депо', 6) 'сборный пункт', 7) 'арестантская при полицейском участке', 8) 'осадок, отложение, нагар' и др. и заимствованное русск. *депо*, сохраняющее, и то лишь частично, пятое значение французского слова]. Кроме того, при заимствовании слово часто утрачивает мотивировку (см. § 123).

После того как заимствованное слово вошло в язык, оно начинает «жить своей жизнью», независимой, как правило, от жизни его прототипа в языке-источнике. Его звуковой облик еще больше приближается к структурам, типичным для данного языка; так, в заимствованных словах русского языка, по мере их более полного освоения («обрусения»), происходит замена твердых согласных перед орфографическими с соответствующими палатализованными (ср., с одной стороны, «необрусевшие» *декольте*, *декорум*, *реквием*, *секанс*, *тембр*, *тент*, *термы*, с другой—«обрусевшие» *декада*, *декрет*, *декан*, *рейс*, *сейф*, *театр*, *телефон*; особенно поучительны сопоставления слов, содержащих исторически одни и те же морфемы, но произносимых по-разному в зависимости от степени «обрусения»: *демос* /d'/ – но *демократия* /d/, *сервис* /s/–но *сервиз* /s'/, *террарий* /t/ – но *территория* /t'/). Заимствованное слово может подвергаться новым грамматическим преобразованиям, устраняющим черты «чуждости» (ср. переход несклоняемых в литературном языке *пальто*, *жалюзи* и т. д. в просторечии в разряд склоняемых существительных); оно «обрастает» производными, претерпевает семантические изменения наравне с «исконными» словами и может получить совсем новое значение. Так, русск. *стекло*, др.-русс. *стъкло* представляет собой старое, еще общеславянское заимствование из готского, где соответствующее слово *stikis* значило 'кубок'; на славянской почве название было перенесено с изделия на материал.

Многие заимствованные слова настолько осваиваются языком, что перестают ощущаться как чужие, а их иноязычное происхождение может быть вскрыто только этимологическим анализом. Так, в русском языке совершенно не ощущаются как заимствованные слова *корабль, кровать, тетрадь, фонарь, грамота* (пришли из греческого); *очаг, кабан, казна, кирпич, товар, утюг, карандаш* (из тюркских языков); *лесть, князь, холм, хлеб, хижина, художник* (старые заимствования из германских языков, в двух последних прибавлены русские суффиксы).

Какие элементы языка заимствуются? Главным образом заимствуются, конечно, «номинативные», назывные единицы, и больше всего существительные. Заимствование служебных слов имеет место лишь изредка. В составе знаменательных слов заимствуются корни и могут заимствоваться аффиксы – словообразовательные и редко формообразовательные, причем при благоприятных условиях такие заимствованные аффиксы могут получить продуктивность. Так, многие греческие и латинские словообразовательные аффиксы стали очень продуктивными во многих языках. При контактах между близкородственными языками заимствуются порой и формообразовательные аффиксы. Так, например, русский литературный язык использует в системе причастий суффиксы церковнославянского происхождения.

Устойчивые словосочетания материально заимствуются реже; ср., впрочем, *тет-а-тет* из фр. *tete-a-tete* 'с глазу на глаз' (букв. 'голова к голове') или *сальто-мортале* из итал. *salto mortale* 'смертельный прыжок' и некоторые другие. Однако устойчивые сочетания, пословицы и т. п. часто калькируются, буквально переводятся «своими словами». Ср.: др.-греч. *typhlos ho eros* = русск. *любовь слепая*; лат. *divide et impera* = русск. *разделяй и властвуй*; фр. *le jeu ne vaut pas la chandelle* = русск. *игра не стоит свеч*; нем. *aufs Haupt schlagen* = русск. *разбить наголову*.

Среди заимствованной лексики выделяется особый класс так называемых интернационализмов, т. е. слов и строительных элементов словаря, получивших (в соответствующих национальных вариантах) распространение во многих языках мира. Ср., например, русск. *революция*, фр. *revolution*, нем. *Revolution*, англ. *revolution*, исп. *revolucion*, итал. *rivoluzione*, польск. *rewolucja*, чешек. *revoluce*, сербскохорватск. *револуција*, литовск. *revoliucija*, эст. *revolutsioon* и т. д.

Каковы источники интернационализмов?

Прежде всего это греко-латинский фонд корней, словообразовательных аффиксов и готовых слов, заимствуемых целиком. Так, из греческого в состав интернациональной лексики целиком вошли (русские варианты) *атом, автономия, автомат, демократия, философия, софист, диалектика, эвристика, тезис, синтез, анализ* и многое другое, из латыни – *нация, республика, материя, натура, принцип, федерация, индивид, прогресс, университет, факультет, субъект, объект, либеральный, радикальный, генеральный* и т. д. Далее назовем греческие строительные элементы

интернациональной лексики: *био-* 'жизне-', *гео-* 'земле-', *гидро-* 'водо-', *демо-* 'народо-', *антропо-* 'человеко-', *теле-* 'далеко-', *пиро-* 'огне-', *стомато-* 'рото-', *хроно-* 'време-', *психо-* 'душе-', *тетра-* 'четверо-', *микро-* 'мелко-', *макро-* 'крупно-', *нео-* 'ново-', *палео-* 'древне-', *поли-* 'много-', *моно-* 'одно-', *авто-* 'само-', *син-* 'совместно с', *диа-* 'через, сквозь', *пан-* 'все-', *а-* 'без, не', *псевдо-* 'лже', *-графия* 'описание, наука о...', *-логия* '-словие, наука о...', *-метрия* '-мерие, измерение', *-фил* '-люб', *-фоб* 'ненавистник', *-оид* 'подобный', *-изм*, *-ист* и др. (ср. *биология*, *биография*, *автобиография*, *геология*, *география*, *геометрия*, *гидрография*, *демография* и др.). Приведем строительные элементы латинского происхождения: *социо-* 'общество-', *аква-* 'водо-', *ферро-* 'железо-', *интер-* 'между', *суб-* 'под', *супер-* 'над', *ультра-* 'сверх, слишком', *квази-* 'как будто', *-аль-*, *-ар-* (в русском всегда с наращением: *-альн-*, *-арн-*) – суффиксы прилагательного. Нередко латинские и греческие элементы комбинируются между собой, например *социология*, *социализм*, *телевизор* (в последнем слове вторая часть – из латинского). В принципе любой элемент древнегреческого и латинского словаря может быть использован при необходимости создать новый термин. Сюда же относятся греческие и латинские «крылатые слова» и пословицы, калькируемые национальными языками.

Вторым источником интернационализмов являются национальные языки. В разные исторические эпохи наиболее существенный вклад в фонд интернациональной лексики был сделан разными народами. Одной из первых стран, вступивших на путь капиталистического развития, была Италия, и она же была первым очагом, из которого стали распространяться в другие языки Европы интернационализмы. В частности, это были (привожу итальянскую и русскую формы) слова, относящиеся к области финансов: *banca* (первоначально 'скамейка менялы', старое заимствование из германских языков, ср. нем. *Bank* 'скамейка') → *банк*, *credito* → *кредит*, *bilancia* (первоначально 'равновесие') → *баланс*, *saldo* → *сальдо*; относящиеся к строительству, архитектуре: *facciata* → *фасад*, *galleria* → *галерея*, *balcone* → *балкон*, *salone* → *салон*; к живописи и музыке: *fresca* ('свежая') → *фреска*, *sonata* → *соната*, *cantata* → *кантата*, *solo* → *соло*, названия нот и нотных знаков; некоторые военные термины: *battaglione* → *батальон* и др.

В XVII–XVIII вв. в центр культурной и политической жизни Европы выдвигается Франция, и теперь уже французский язык пополняет состав интернационализмов многочисленными словами, относящимися к области моды, светской жизни, домашней обстановки, одежды, кулинарии (привожу французскую и русскую формы): *mode* → *мода*, *dame* → *дама*, *etiquette* → *этикет*, *compliment* → *комплимент*, *meuble* → *мебель*, *boudoire* → *будуар*, *paletot* → *пальто*, *bouillon* → *бульон*, *omelette* → *омлет*; такими прилагательными, как *elegant* → *элегантный*, *galant* → *галантный*, *delicat* → *деликатный*, *frivol* → *фривольный*. В конце XVIII в. к этим словам присоединяются общественно-политические термины, в значительной своей части греко-латинского

происхождения, но наполнившиеся новым содержанием на почве французского языка в предреволюционную и революционную эпоху: *revolution* → революция, *constitution* → конституция, *patriotisme* → патриотизм, *proletaire* → пролетарий, *reaction* → реакция, *terreur* → террор, *ideologue* → идеолог.

С конца XVIII, в XIX и XX вв. в состав интернациональной лексики вливается поток английских слов, в частности (привожу английскую и русскую формы) термины, относящиеся к общественно-политической жизни и к экономике: *meeting* → митинг, *club* → клуб, *leader* → лидер, *interview* → интервью, *reporter* → репортер, *import* → импорт, *export* → экспорт, *dumping* → демпинг, *trust* → трест, *cheque* → чек; спортивные термины: *sport* → спорт, *box* → бокс, *match* → матч, *trainer* → тренер, *record* → рекорд, *start* → старт, *finish* → финиш; слова, относящиеся к быту: *comfort* → комфорт, *service* → сервис, *toast* → тост, *flirt* → флирт, *jumper* → джемпер, *jeans* → джинсы, *bar* → бар и т. д.

Вклад других национальных языков в интернациональную лексику в силу ряда причин был количественно меньшим. Некоторые немецкие термины вошли в нее в форме калек. Это относится к таким философским терминам, как *Ding an sich* → вещь в себе, *Weltanschauung* → мировоззрение; к лексике немецкого рабочего движения и научного социализма Маркса и Энгельса, например *Mehrwert* → прибавочная стоимость, *Klassenkampf* → классовая борьба, *Diktatur des Proletariats* → диктатура пролетариата.

Из русского языка до Октябрьской революции в интернациональную лексику вошло лишь немного слов, главным образом обозначающих специфически русские реалии, элементы русского ландшафта и т. д.: *степь* (→ нем. *Steppe*, англ. *steppe* /step/, фр. *steppe*), *самовар*, *тройка*, но также и слова *интеллигенция* (→ англ. *intelligentsia* /intelig'entsia/, шведск. *intelligentia*, польск. *inteligencja*, болг. *интелигенция*), *нигилист* и *нигилизм* (→ англ. *nihilism* /n'anl-izm/, нем. *Nihilismus*), хотя и построенные из латинских и отчасти греческих (суф. *-изм*, *-ист*) элементов, но возникшие на почве русской культуры и русской истории XIX в. После Октябрьской революции появляются новые интернационализмы – так называемые «советизмы». Как отмечал еще в 1919 г. В. И. Ленин, «мы достигли того, что слово „Совет" стало понятным на всех языках»². Это же можно сказать о словах *большевик*, *большевизм*, *ленинизм*, *спутник*. Кроме того, ряд русских слов и выражений советской эпохи калькируется другими языками. Ср.: *самокритика* → нем. *Selbstkritik*, фр. *auto-critique*, англ. *self criticism*. В некоторых языках калькируется также слово *совет* в его новом значении и слово *советский*: ср. укр. *рада*, *радянський*, польск. *rada*, *radziecki*, эстон. *noukogu*, *noukogude*.

В числе интернационализмов есть слова, пришедшие из других языков, в частности из чешского (*робот*), польского (*мазурка*), финского (*сауна*), арабского (*алгебра*, *алгоритм*, *алкоголь*, *адмирал*, *гарем*, *зенит*, *кофе*, *тариф*, *цифра*), из языков Индии (*веранда*, *джунгли*, *пижама*, *пуни*), китайского

(женьшень, чай) ¹, японского (джиу-джитсу, соя), персидского (жасмин, караван), малайского (орангутанг), африканских (шимпанзе) и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В практике дипломатии и политики с конца XVIII в. возобладал язык французский, который в первой половине XIX в. играл роль мирового языка, однако бурный рост английской колониальной экспансии и значение английской политики в мировом масштабе выдвинули во второй половине XIX в. на первый план английский язык. В XX в. на эту роль претендовал и немецкий язык через коммерческие и технические достижения Германии.

Однако этот путь определения международного языка является чисто империалистическим и может иметь успех только в колониях или полуколониях.

Наряду с этим давно в умах ученых и изобретателей созрел идеал международного языка. Первыми в пользу создания рационального искусственного языка, который был бы способен выразить положения любой современной научной или философской системы, высказались еще в XVII в. Декарт и Лейбниц.

Однако осуществление этих замыслов относится уже к концу XIX в., когда были изобретены искусственные языки: воляпюк, эсперанто, идо и т. п.

В 1880 г. немецкий католический патер Шлейер опубликовал проект языка «воляпюк» (*vol-a* – «мир-а» и *puk* – «язык», т. е. «мировой язык»).

В 1887 г. в Варшаве появился проект языка «эсперанто», составленный врачом Л. Заменгофом. Эсперанто значит «надеющийся» (причастие от глагола *esperi*).

Очень быстро эсперанто получил успех во многих странах, во-первых, среди коллекционеров (особенно филателистов), спортсменов, даже коммерсантов, а также и среди некоторых филологов и философов, на эсперанто появились не только учебные пособия об эсперанто, но и разнообразная литература, в том числе и художественная, как переводная, так и оригинальная; это последнее вряд ли стоит поддерживать, так как при всем успехе эсперанто и ему подобные языки всегда остаются вторичными и «деловыми», т. е. существующими вне стилистики. Эсперанто всегда употреблялся как подсобный, вторичный, экспериментальный «язык» в сравнительно узкой среде. Поэтому его сфера – чисто практическая; это именно «вспомогательный язык», «язык-посредник», да и то в условиях западных языков, что чуждо языкам восточным. Иные вспомогательные международные языки (аджуванто, идо) вовсе успеха не имели.

Все подобные «лабораторные изобретения» могут иметь успех только в определенной практической сфере, не претендуя быть языком в полном смысле этого слова. Подобные «подсобные средства общения» лишены основных качеств настоящего языка: общенародной основы и живого развития, чего не может заменить ориентировка на международную терминологию и на удобство словообразования и построения предложений.

Подлинный международный язык может образоваться лишь исторически на базе реальных национальных языков.

Как было уже сказано, языки мира в настоящее время переживают различные этапы исторического развития в связи с разными общественными условиями, в которых находятся носители этих языков.

Наряду с родо-племенными языками мелких колониальных народностей (Африка, Полинезия) существуют языки народностей, находящихся в положении национальных меньшинств (уэйлзский и шотландский в Англии, бретонский и провансальский во Франции); национальные языки Англии, Франции, Италии и т.д. представляют собой языки буржуазных наций.

Понятие «лексический интернационализм», конечно, относительно. Так, арабское слово *kitab* 'книга' не вошло в языки Европы, но оно вошло (вместе с большим числом других арабских слов) в языки практически всех народов, культура которых была связана с исламом. Слово *kitab* является, таким образом, зональным интернационализмом, представленным на обширной территории. Многие из приведенных выше интернационализмов тоже остаются только зональными, но принадлежат другому ареалу (европейско-американскому).

Есть языки, в силу тех или иных причин вобравшие вообще мало заимствованных слов, в том числе и мало интернационализмов. Ярким примером является китайский язык (который, однако, сам послужил источником ряда зональных интернационализмов дальневосточного ареала). Невысок удельный вес интернациональных элементов в лексике исландского, финского, венгерского языков. Некоторые интернационализмы в них калькируются при помощи своих образований. Так, в современном исландском 'революция' – *bylting* (букв. 'переворот' или 'переворачивание' – от *bylta* 'переворачивать'), что представляет собой словообразовательную кальку интернационального термина (лат. *revolutio* ведь буквально и значит 'обращение в противоположную сторону, поворачивание').

Наконец, различия между национальными вариантами интернационализмов касаются не только их звукового и морфологического оформления (и написания), степени их употребительности в языке и т. д., но нередко также и их значения. Вот некоторые примеры: фр. *ambition*, англ. *ambition* значат 'честолюбие' (без отрицательного оттенка), 'стремление к какой-то цели', а русск. *амбиция* означает 'самолюбие, спесивость, тщеславие' и употребляется с осуждением или иронией. Фр. *partisan*, англ. *partisan* и т. д. – это не только 'партизан', но, прежде всего, 'сторонник, приверженец'. Фр. *famille*, англ. *family*, нем. *Familie* и т. д. – это 'семья, семейство', а для русского слова *фамилия* такое значение является сейчас устарелым. Фр. *medecine*, нем. *Medizin* кроме значения 'медицина' имеют еще значение 'лекарство', а англ. *medicine* еще и 'колдовство', а также 'талисман, амулет'. Так интернациональные слова, становясь привычными и общеупотребительными, обрастают новыми, часто уже неинтернациональными значениями, а иногда (как случилось со

словом *фамилия* в русском языке) утрачивают интернациональные значения. Образуется слой «псевдоинтернационализмов» – «ложных друзей переводчика».

Вместе с тем интенсивное международное общение ведет и к противоположным результатам – к нивелировке частично разошедшихся значений в интернационализмах, к семантической конвергенции национальных вариантов интернациональной лексики. Так, за последние годы русск. *альтернатива*, кроме старого значения 'необходимость выбора одного из двух возможных решений', все чаще используется в значении '(противоположный) вариант, иной выход', типичном для этого слова в ряде других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин Б.Н. Общее языкознание. Уч. пособие. М.: Просвещение, 1979.
2. Березин Ф.М. , Головин Б.Н. Общее языкознание: Учеб. пособие для вузов. М.: Прсвещение, 1979.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты, пер. с англ., Киев, 1979.
4. Головин Б.Н. Введение в языкознание: Уч. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1983.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974..